

В.П. Корецкий, Р.А. Галиахметов, Ю.В. Федоров

МУЛЬТИКУЛЬТУРНАЯ ПАРАДИГМА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ – АЛЬТЕРНАТИВА ЗАПАДНОМУ МЕЙНСТРИМУ

В данной статье рассматривается монография «Мультикультурный институционализм. Общая экономическая теория цивилизаций. Политическая экономия традиционализма. Проект сетевого общества» М.Ю. Савельева. Проанализированы новая парадигма экономической теории, а основные и методологический аппарат, предложенные автором. Рассмотрены основные результаты исследования, прогнозы и модель сетевого общества на основе собственной методологии, спроектированные автором монографии, с учетом того, что основой социально-экономического развития являются культурные ценности общества. Особое внимание статье уделено эмпирическому массиву данных, которые опровергают традиционную экономическую теорию, но успешно объясняются в рамках парадигмы, предложенной в монографии. В исследовании показана важность реформирования бухгалтерского учета в интересах потребителей и снятия социально-классовых противоречий, а также соответствующих изменений конституционного, гражданского, трудового, корпоративного, финансового, предпринимательского, бухгалтерского и налогового права. Отмечается научная новизна и практическая значимость исследования и его актуальность в условиях неэффективности прямого импорта либерально-рыночных ценностей в культурно-общественную реальность Российской цивилизации. В работе отражены выводы о том, что без реформ, сделанных с учетом новой социально-экономической и культурной реальности, человечество в целом и российское общество в частности неспособно преодолеть глубокий институциональный кризис развития и обеспечить долгосрочную выживаемость культуры и государства

Ключевые слова: мультикультурализм, культурные ценности, сетевое общество, парадигма экономической теории, институционализм, организации, власть потребителей, рента лояльности, бухгалтерский учет, надконституциональные нормы, эзотеричность знания, экономика знаний.

В научной монографии «Мультикультурный институционализм. Общая экономическая теория цивилизаций. Политическая экономия традиционализма. Проект сетевого общества» М.Ю. Савельева средствами общей методологии и структурного анализа исследованы парадигматические (методологические и онтологические) основания экономической и управленческой науки и спроектированы необходимые изменения в этой системе знаний. Суть основополагающей гипотезы: культура – основное средство формирования общественных отношений, знания – основной источник богатства: «Культура не бывает эффективной или неэффективной. Культура самоценна и сама по себе есть высший универсальный критерий. Мерило всего. Но сравнивать культуры можно. Это убеждение и положено в основание настоящего исследования» – указывает автор исследования ([1], стр. 322). Эти выводы М.Ю. Савельев отстаивает и в других своих работах [2-4].

Согласно монографии и ряда других работ [5-11], применяемые ныне методологические инструменты теоретических исследований социально-экономических объектов в силу их зависимости от культурных и идеологических установок западной цивилизации не позволяют разработать реализуемую на практике теорию экономики и управления хозяйствующими субъектами и промышленно развитыми регионами незападных культур [12-18].

Исследуя основные экономические противоречия современной эпохи, эмпирические данные и современные тенденции, автор приходит к выводу о необходимости переосмысления и даже смены парадигмы экономической теории и модернизации методологии научного поиска в этой области человеческих знаний. Либерально-рыночная доктрина, в действительности не может рассматриваться как некое единственное верное учение. Поэтому, крайне критично для человеческой цивилизации отойти от следования либеральным рекомендациям там, где они не работают в принципе.

Автором на теоретическом [19-25] и стратегическом [26-52] уровнях проектируется сетевое общество, в том числе коллизионные средства определения надконституционных норм на международном и национальном уровнях законодательства, отношения собственности, вертикальное и горизонтальное разделение власти, институты прямой демократии. В исследовании показана важность реформирования бухгалтерского учета в интересах потребителей [28] и снятия социально-классовых противоречий, а также соответствующих изменений конституционного, гражданского, трудового, корпоративного, финансового, предпринимательского, бухгалтерского и налогового права.

Исследователь определил основное экономическое противоречие современной эпохи как противоречие между формами извлечения дохода из знаний и природой управления и развития знаниепроизводящей экономики [13]. Этот подход позволяет определить и основное направление проектирования систем управления, которые должны обеспечить максимальную доступность знаниевых ресурсов для лиц и организаций, находящихся на управляемой территории. В этом ключ к конкурентоспособности любой территории, страны, цивилизации.

Здесь стоит отметить один нетривиальный прогноз, сделанный автором на основе анализа влияния бухгалтерского учета на развитие социально-экономических отношений и даже социальных эволюций изменивших облик планеты: «То общество, которое первым поставит бухгалтерский учет на службу потребителям, получит существенные конкурентные преимущества по сравнению с другими обществами» (1. С. 453).

Автором сделан вывод о том, что без этих реформ человечество в целом и российское общество в частности неспособно преодолеть глубокий институциональный кризис развития и обеспечить долгосрочную выживаемость культуры и государства: «Полученный результат позволит научному сообществу осуществить научную революцию – парадигматический переход от доминирования западного мировоззрения в экономической науке к мультикультурной парадигме, соответствующей требованиям культур основных цивилизаций человечества» [1. С. 9].

Практическая значимость работы заключается в применении результатов исследования в определении основных направлений изменения конституционных норм и и норм, регулирующих гражданские и трудовые отношения, определяющих налоговую, кредитно-денежную и структурную политику. Второй практической областью применения результатов исследования можно назвать изменение системы профессиональной подготовки управленцев и экономистов. Третья область практического применения – проектирование деятельности организаций. Четвертая – использование результатов исследования в качестве идеологии при создании партии будущего [1. С.456].

Актуальность исследования

Актуальность исследований в области мультикультурализма, влияния различий культуры различных обществ и индивидуумов на экономику, в принципе не может вызывать какого-либо сомнения. Текущие события в мире свидетельствуют о глубоком кризисе в области взаимодействия носителей разных культурных ценностей. Массовые атаки так называемых исламских террористов, убийственная, в прямом смысле слова, критика мультикультурализма Андерса Брейвика, унесшая жизни десятков людей, глубокий нравственно-идеологический кризис современных экономических отношений являются серьезным поводом для научного переосмысления институционализма вообще и мультикультурного в частности.

Но противостояние Западной цивилизации и Исламского мира — это вершина айсберга. Имеют место проблемы взаимодействия Китая и Запада, Китая и Исламского мира. В Латиноамериканской цивилизации, как и в Российской накопилось множество как внутренних противоречий, так противоречий, связанных со взаимодействием со внешней средой. Причем многие из этих вызовов обусловлены попыткой копирования либерально-рыночных идей и разрушением собственной общественной структуры в угоду нехарактерных ценностей. Наблюдается серьезное социальное расслоение между государствами, внутри государств, отдельными отраслями. Нарушается языковое единство.

Поэтому, научная и практическая значимость такого исследования очевидна — модернизация иерархии и самой системы взаимоотношений государства, общества, индивидуума, переход к новым организационным формам, создание если не объективной, то адекватной культурному разнообразию экономической системы. Тем, более, как утверждается в исследовании «изначально экономические законы – это предписывающие законы, а так называемые «объективные экономические законы» – только следствия этих предписывающих законов [1. С.67]». «Сами модели рыночной и плановой экономики истинны, но только для соответствующих им культурных сред» — уточняет автор [1. С. 68]. Соответственно этому «культурная среда», «культура» являются, если так можно выразиться, «объективнее» или первичнее экономических догм и доктрин и более инерционна [10].

При этом, в рамках современной парадигмы экономической теории, качественный шаг в переосмыслении ситуации и разработки «естественного рецепта» выхода из глобального кризиса невозможно. Современные методологические инструменты теоретических исследований социально-культурных объектов просто неспособны для этого, как указывает автор, в силу их зависимости от культурных и идеологических установок западной цивилизации они не позволяют разработать реализуемую на практике теорию экономики и управления хозяйствующими субъектами и промышленно развитыми регионами незападных культур [1. С.13]. «Влияния культуры на экономическую деятельность хозяйствующих субъектов и территорий и институциональным описанием их деятельности –

нетривиальная научная задача, так как средствами и способами господствующей парадигмы экономической науки она не решается, потому что объект исследования (культура) явным образом выходит за рамки важнейших элементов парадигмы» - отмечено автором [1. С.27].

Мировая экономика, пройдя стадию индустриализации, столкнулась с невозможностью определения однозначного алгоритма для создания эффективной постиндустриальной экономики. «Можно с уверенностью сказать, что разнообразие моделей развития промышленно развитых регионов существенно больше разнообразия моделей индустриализации. Это обусловлено, с одной стороны, более высокой сложностью объектов управления, а с другой – неопределенностью направления развития завершивших индустриализацию обществ. Такое разнообразие диагнозов и моделей ставит управленцев в положение высокой неопределенности выбора методов, механизмов, инструментов и технологий функционирования экономических систем и институциональных преобразований, что практически выражается в росте внутрифирменных, отраслевых, страновых и глобальных рисков. Снятие этой неопределенности требует поиска, выдвижения, выбора и применения неслучайных критериев принятия управленческих решений, в первую очередь – методических решений» [1. С.13-14].

С точки зрения решения практических задач управления, то современное состояние научного знания в этой сфере если еще и не отстало от уровня вызовов, стоящих перед менеджментом, то потеряло свою эффективность ввиду огромного количества эпистемологических противоречий среди которых:

- отсутствие теоретических обобщений накопленного эмпирического материала по влиянию культуры на управление и экономические отношения, что тормозит разработку средств управления хозяйствующими субъектами и территориями в условиях глобализованного экономического пространства;

- отсутствуют исследования институтов, функционирующих на основании надконституционных норм, что не позволяет верифицировать институциональные проекты на предмет их реализуемости в тех или иных культурных средах;

- методология неинституционализма не позволяет разрабатывать идеальные экономические системы, без которых вообще невозможен научный прогресс;

- попытки объяснить возникновение организаций из логики развития рыночных отношений до сих пор не увенчались успехом, что ставит либеральную идеологию и неолиберальную экономическую теорию в двусмысленное положение.

Ввиду отсутствия универсальных управленческих решений, которые могли бы работать в любой ситуации, невозможно выработать критерии оценки качества управленческой деятельности и менеджерского образования. Это одна из причин упадка в системе подготовки управляющих кадров [30-34]. А это главное звено управленческой культуры тянет за собой остальные проблемы управленческой деятельности: в системах управления территориями [35-40], финансовом контроле [28; 41-44], национальной и региональной безопасности [29; 44], стимулировании предпринимательской и инвестиционной активности [45-52].

В рамках обсуждения актуальности и значимости исследования «Мультикультурный институционализм. Общая экономическая теория цивилизаций. Политическая экономия традиционализма. Проект сетевого общества», необходимо отметить, что постепенно в западной мировоззренческой системе начинает появляться понимание того факта, что культурные ценности отдельных индивидуумов или субобществ необходимо не только учитывать на уровне межперсональных коммуникаций, но и в некоторых сферах экономической деятельности. В настоящее время, главным образом, речь идет о сфере услуг и о такой области менеджмента как управление персоналом, где широкое распространение приобрел термин «культурные компетенции» или «компетенции в области культуры и этики». Тем самым эмпирические данные, которые свидетельствуют в пользу выдвинутой парадигмы накапливаются на стыке менеджмента, психологии и этики.

Множество исследований, осуществляемых в области «культурных компетенций» показывают, что их наличие у персонала, непосредственно работающего с потребителями, обеспечивают серьезным конкурентные преимущества. В частности, исследователи, работающие в области медицины и биоэтики, Терри Ловс (Terri Laws) и Джанис А. Чилтон (Janice A. Chilton) [35] отмечают, что мультикультурализм и присущее американскому обществу разнообразие в профиле трудоспособного населения, их комбинации и динамическая изменчивость приводит к множественности конфликтов и в первую очередь в биоэтике в медицине.

«Казалось бы прозрачное явление — медицина и здравоохранения. К 2050 году большинством станет сегодняшнее меньшинство. Культурная компетенция — это одна из передовых концепций по важности обеспечения общения и практик обращения с пациентами в медицине. Цель компетенции в области культуры в системе здравоохранения, как и иной сервисной отрасли — это использование

технологии как одного из средств для лучшего понимания целевой аудитории» - приходят к выводу Терри Ловс и Джанис А. Чилтон.

В свою очередь биоэтик Лейг Тюрнер (Turner) замечает, что компетенции в области культуры и этики должны использоваться не только для объяснения особенностей образа жизни отдельного общества, но и для того, чтобы определить доминирующие ценности, символы, социальные практики и определяют форму коммуникативной деятельности [36]. Добавим от себя, что коммуникационная функция — это одна из ключевых задач менеджмента.

Доминирующие культурные ценности — это суть и основа, которые необходимо принимать во внимание в самую первую очередь для широкого понимания целевой группы отмечает Дж. Джаккет (Juckett, G) [37] в своем исследовании посвященном межкультурной медицине. В работах Сандры Коллинз (Sandra Collins) и Нэнси Артур (Nancy Arthur) разрабатываются механизмы психологического консультирования, основанные на серьезном изучении культуры и элементов самоидентификации потребителя услуг [38].

Исследователями Д. Хробот-Мейсон (Donna Chrobot-Mason) и Дж. Б. Лейсон (Jean B. Leslie) [39] показана прямая связь «поликультурной компетентности» с эффективностью управления. «Умение предотвращать, диагностировать и решать производственные проблемы, возникающие в результате столкновение ценностей сотрудников принадлежащих разным культурам, является одним из важнейших навыков, необходимых для управленческого успеха в современной поликультурной рабочей среде. Различия в культуре, происхождение, этническая принадлежность, религия, ценности, допущения являются серьезным потенциалом для возникновения и развития межгрупповых конфликтов и снижение производительности труда» - приходят к выводу Д. Хробот-Мейсон и Дж. Б. Лейсон.

Так же, стоит вспомнить, что в свое время в США имела место серьезная дискуссия среди теоретиков и практиков менеджмента, касающаяся необходимости разработки новых управленческих навыков для успешной и эффективной деятельности в условиях крайне гетерогенной с точки зрения культурных ценностей рабочей среды [40]. В результате пришли к выводу о необходимости развития новой, лидерской компетенции, как способности эффективно реагировать на вызовы и возможности, обусловленные социально-культурным разнообразием в рабочей среде [39-40].

В США появился даже термин «культурное мышление» которое определяется Офферманом (Offermann, L.R.) и Фаном (Phan, L.U.) [41] как способность эффективно функционировать в разнообразных условиях, при которых обязательства, ценности и традиции воспитания субъекта не разделяются в полной мере окружающими. При всей позитивности термина «культурное мышление» в этом определении заключается серьезное противоречие, а именно отторжение и даже противопоставление культурных ценностей. Еще более откровенно это противоречие обнаруживается в формулировке, предложенной для обозначения «мультикультурных компетенций», которое согласно Гарсии (Garcia, M. H.) [42], определяется как способность демонстрировать уважение и понимание, для того чтобы эффективно общаться и сотрудничать с людьми из разных культурных слоев в области мультикультурного многообразия. Очевидно, что «демонстрация уважения и понимания» и само «уважение и понимание» — это несколько разные категории, особенно в случае экономических интересов. Тут скорее всего речь идет о гибком приспособленчестве, а не о мультикультурализме.

Тем не менее, достаточно важный вывод сделан исследователями Д. Хробот-Мейсон и Дж. Б. Лейсон [39], который звучит следующим образом: вместо того, чтобы концентрировать внимание на повышении осведомленности о стереотипах и групповых различиях, более эффективным подходом является повышение самосознания, рефлексия и самоконтроль. Необходимо напомнить, что речь идет об исследовании факторов повышения эффективности управления в условиях культурного разнообразия.

Корреляцию между культурными ценностями и экономическими отношениями отмечают Д. Элджин (Elgine, D.) и К. Вилбер (Wilber, K.). Основные этапы развития человека в условиях рефлексивного сознания (напр., коллективные, индивидуалистическая, мистика), коррелируют с технико-экономическим аппаратом и сопутствующими социальными структурами власти, используемые обществом для обеспечения его минимальных средств к существованию и образу жизни. Во всех культурах во все эпохи человеческой эволюции и развития вращалась вокруг этого принципа. Таким образом, все без исключения общества, начиная от собирателей и охотников, а также аграрного, индустриального, постиндустриального и информационного обществ, разделяющие поликультурные компетенции в сфере неких общих социальных черт, а также аналогичных мировоззренческих, самоидентификационных паттернов и основных элементов культуры, таких как нравственное мировоззрение, противостоят материалистическим ценностям и понятиям, включая внешние формы духовности, технологии, правовые кодексы и типы экономического производства [43-44].

Тем не менее, несмотря на понимание важности культурных особенностей человека, к настоящему моменту, подобные исследование больше напоминают поиск неких корректирующих поправок к

доминирующей рыночно-либеральной доктрине, которая продолжает очаровывать своей «физиологической» простотой аддамсмитовского «экономического человека».

Таким образом, исследования в этом направлении представляются не просто актуальными, но и являются первоочередными и актуальными для обеспечения научной основой социально-экономического развития отдельных цивилизаций и человечества в целом.

Основные гипотезы и методические замечания исследования

Перейдем к содержанию монографии, ее логике, гипотезам и некоторым практическим результатам. Автор определяет систему основополагающих гипотез о том, что именно культура является средством формирования общественных отношений, а знания — основной источник богатства.

Важнейшим элементом этой системы является допущение того, что социально-экономические отношения определяют не производительные силы, не уровень развития технологий, не мотивы людей и не набор формальных институтов, так как все эти среды экономической деятельности на поверку изменяются намного быстрее, чем собственно общественные отношения. Более инерционной средой, чем общественные отношения, является только культура. Именно она рассматривается в исследовании как основной фактор или основная среда формирования системы норм хозяйственной деятельности и управления в этой сфере.

«Есть серьезные основания предполагать, что межцивилизационные конфликты Запада и исламского мира, западноевропейской и восточноевропейской цивилизаций, выражающиеся в целой серии локальных войн текущего столетия в своей основе имеют институциональные противоречия между этими цивилизациями. Научные проблемы, в свою очередь, не позволяют управленцам-практикам в незападных странах проводить непротиворечивую политику: там, при применении западных социальноэкономических наук, возникают серьезные институциональные проблемы, выражающиеся как минимум в избыточных транзакционных издержках и замедлении развития, а нередко и открытых социальных, межэтнических, межконфессиональных, политических и в конце концов военных конфликтах» - указывает автор одну из ключевых проблем современности, которая по его мнению обусловлено в первую очередь противоречиями на уровне глубинных ценностей Запада и исламского мира. Но как уже отмечалась выше — это только одна из проблем современности, хотя и одна из самых острых.

К сожалению, как отмечается автором [1. С.14], преодолеть разрыв между эмпирическими исследованиями влияния культуры на деятельность хозяйствующих субъектов и деятельность органов управления территориями и институциональным описанием их деятельности с помощью разработки каузально предопределенных надконституционными правилами идеальных экономических систем не представляется возможным ввиду несовершенства применяемых ныне методологических инструментов теоретических исследований социально-экономических объектов в силу их зависимости от культурных и идеологических установок западной цивилизации в незападных культурах. «Важнейшим признаком, что отличает социознание от естествознания, является его исключительная субъективность. Если никто не знает, что Земля вращается вокруг Солнца, то она все равно будет вращаться. Но если никто не знает, например, о существовании рынка, то этот институт не существует... Науки об обществе не существует» - утверждает автор [1. С.64].

В связи с этим автором предложена уникальная методология, основанная на ключевом допущении того, что в каждой культуре элементы иерархии знаний связаны между собой требованием непротиворечивости [1. С.30]. В результате применения этого метода автору удалось объяснить предпосылки возникновения, особенности развития существующих экономических систем, сделать прогноз их дальнейшего существования и смоделировать идеальные экономические системы с учетом культурных особенностей и принципов институционального строительства различных социумов.

«Антиэкономический человек»

Подобный, хотя и частный результат, в свое время был получен Адамом Смитом. Его либерально-рыночная модель, выстроенная на этических нормах англо-саксонского мира, по сути является лишь одним из возможных вариантов социокультурной и экономической системы. Хотя она действительно идеально. Но идеальна исключительно с точки зрения «либеральных ценностей» так называемого «Экономического человека».

Варьирование этих ценностей, позволило автору исследования «Мультикультурный институционализм. Общая экономическая теория цивилизаций. Политическая экономия традиционализма. Проект сетевого общества» спроектировать совершенно иные модели социально-экономических систем, которые тоже являются идеальными, но в иных этических и культурных условиях. В данном контексте

«рыночная модель» Адама Смита является одним из предельных случаев принципов проектирования социально-экономических систем, предложенных автором.

Добавим, что свою модель Адам Смит создал, проводя этические, а не экономические исследования. Как отмечал английский экономист и публицист конца XIX века Уолтер Бэдждот (W. Bagehot), «книги Адама Смита едва ли можно понять, если не иметь представления о нём как о человеке» [45]. Фактически он выявил некие базисные нормы, которые привели к созданию субъективных экономических законов, выдаваемых за объективные, поскольку так называемые «изначальные экономические законы» – это предписывающие законы, а так называемые «объективные экономические законы» – только следствия этих предписывающих законов» [1. С.67]. Как справедливо отмечается в монографии [1. С.126] «экономика – это наука о нравственности. Но не о нравственности будд, иисусов и мухаммедов, а о нравственности обычных людей, проявляющейся в их рутинных, ежедневных делах. Экономика – это поистине «живая» этика, явленная исследователю не в исключительных подвигах и наставлениях пророков, а в миллиардах ежедневных дел простых людей».

Автор монографии отметил, что фундаментальное основание «адамсмитовской» экономической теории, заключающееся в том, что источником богатства народов является производство, как минимум неадекватно отражает реалии постиндустриальных стран мира [1. С.46]. Он пишет: «Кроме эпистемологических предпосылок формирования новой экономической парадигмы существует и вторая часть – материалистические предпосылки, которые заключаются в наличии иного источника богатства. Таким источником богатства, по нашему мнению, и является социальная форма информации – знания» [1. С.54].

В связи с этим, можно добавить еще одно уязвимое место современной экономической теории. Это определение частной собственности. Автор увязывает это явление со знаниями, что самым критическим и разрушительным образом влияет на многие доминирующие экономические теории. Хотя интуитивно это понятно. Та собственность, которая была действительно ценна и была капиталом сто лет назад, с приобретением новых знаний потеряла свою способность извлечения добавочной стоимости из труда наемных работников.

Западную науку тоже перестал удовлетворять «экономический человек» Адама Смита в его первобытном физиологическом воплощении. У автора «Экономии желаний: христианство и капитализм в постмодернистском мире» [46] Дэниэля М. Белла (Daniel M. Bell, Jr.) озвучена идея о дисциплинарном воздействии капитализма на человека, что в общем-то переводит понимание современных экономических норм из экономических категорий в этические. «Капитализм дает нам свободу выбора, но на самом деле он дисциплинирует в плане повышения производительности труда, поскольку заставляет желать продукцию большей рыночной стоимости, чем, например, время проведенной с семьей или единение с Богом. Экономический человек несвободен, но он формируется во вполне определенном направлении. У него неограниченные мечты и это требует неограниченных ресурсов. Ему приходится быть успешным конкурентом, потому что ресурсы ограничены. Он озабочен в какой-то мере справедливостью, но для него главное — исполнение контрактов. Его Бог действует посредством невидимой рукой, такой, что корысть служит лучше всего. Он предполагает, что человеческая природа есть и всегда будет эгоистична, а потому капитализм на низкой, но прочной основе первородного греха. И это полная противоположность христианской веры и жизни. Церковь - это альтернатива экономике желаний, и ее членам является, хоть и не индивидуалисты в полной мере, но лица, делящие один кусок хлеба и одну чашу воды» - пишет Дэниэль М. Белл.

Критика «экономического человека» и возврат к «христианским ценностям» прослеживается в ранних работах еще одного гуру менеджмента Питера Дрюкера. Он пытается вырваться и подняться над все возрастающим материализмом. «Экономическая система должна служить чему-то более лучшему и более высокому» - приходит он к выводу. Питер Дрюкер прослеживает путь от идеи «экономического человека» к тоталитаризму и фашизму и пытается найти выход в христианских ценностях, в новых путях, которые пытается нащупать это силой выкорчеванное учение.

Корысть экономического человека может быть ограничена вмешательством государства — считает Гарольд Демсетц (Harold Demsetz) [36]. Человек может делать неправильный выбор и государственная коррекция в этом случае необходимая мера против этого. Из этого философского утверждения вытекают вполне финансовые механизмы прогрессивного налогообложения, под которое попадают некоторые экстремальные потребители.

Под напором нерешаемых противоречий либеральной концепция «экономического человека» появляется менее эгоистическая теория «контрактного человека» [47]. «История нас учит, что модель «экономического человека» периодически радикально трансформируется... Сейчас обозначен модель человека в терминах его способность заключать контракты и выполнять их. И в это же время изменилась сама экономика. Развитие бихевиористской экономики — что-то похожее на сочетание экономики и

психологии, эксперименты по изучению экономического поведения людей в разных ситуациях, исследования человеческих ощущений экономических явлений и их ощущения «счастья», нейробиологические исследования — физиологии экономического поведения, становятся значимыми и важными... Биологические исследования, в том числе и головного мозга показали более интересный образ человеческого существа, нежели «экономический человек», который может учиться, совершать сделки, поступать стратегически, способен помнить и даже быть счастливым» - что это как ни культурологический пересмотр рыночной теории Адама Смита [46].

К критике индивидуализма, с учетом «демонстрации уважения и понимания, хотелось бы добавить феномен Брейвика, но ради экстремально-эмоциональной картинки, а в целях иллюстрации эффективности научного метода, предложенного автором монографии, одним из практически значимых результатов которого является объяснение природы фашизма и тоталитаризма, как предельный случай индивидуализации «Экономического человека» [48]. В западной литературе в связи с этим появился термин «негативный индивидуализм». В частности, Гарри Виртанен (Harri Virtanen) [49] определяет его как развитие концепции индивидуализации Карла Юнга, которая означает продолжающуюся в течении человеческой жизни развитие индивидуума, которая протекает с определенными трудностями или в корне неправильно в конце концов может стать деструктивной. «Негативный индивидуализм может создавать собственные символы или искать их в идеологии или религии... Норвежское общество пытается справиться с массовым убийцей с помощью прозрачного судебного процесса и судебной психиатрии. Но «феномен Брейвик» - это часть нашего внутреннего субъективного мира, символизирующий разрушение доверия и непрерывности жизни. Он также символизирует потенциал для уничтожения тесных взаимоотношений и демонической возможности творить зло. Нам необходимо переделать его, превратить его во что-то другое, что-то новое, что-то полезное для понимания природы патологического нарциссизма и деструктивной тени» - пишет финский исследователь Гарри Виртанен и по сути определяет деструктивные способности доминирующих в настоящее время либеральных ценностей, выстроенных на базе «экономического человека» и «экстремального индивидуализма». Индивидуализм остается индивидуализмом, даже если он негативный.

Понимание ограниченности применения либерально-рыночной доктрины позволила определить одну из принципиальных основ парадигмы экономической теории, предложенной автором монографии: «Будущая парадигма должна отражать этические взгляды не только европейцев, следовательно, ее этическая основа должна быть мультикультурной, основывающейся на действительно общечеловеческих ценностях, в числе которых европейские ценности займут свое достойное, скромное место, а не будут доминировать, как это сейчас можно обнаружить в международных нормативных актах» [1. С.62].

С учетом гипотезы о самовоспроизведении и саморазвитии общества, на базе синергетического подхода и принципа построения самовоспроизводящейся информационной системы Немана, требующей наличие не менее четырех элементов (копирующего, запоминающего, воспроизводящего и контролирующего), автором были спроектированы модели сложных иерархических самоорганизующиеся социальноэкономические систем с учетом их знаниевых параметров и информационного разделения.

«Информационное разделение труда более фундаментально, чем половозрастное деление, деление на земледелие и скотоводство, сельское хозяйство и ремесло, ремесло и торговлю... Упрощение структуры общества до трех или менее элементов приводит к информационной невоспроизводимости общества» - указывается автором [1. С.93].

В качестве примеров таких структур было рассмотрено кастовое общество Индии, а также царской России. Индийское общество, где до сих пор сохраняется кастовая культура, соответствующая модели Неймана, где варна брахманов – запоминающее устройство, варна кшатриев – контролирующее устройство, варна вайшьев – копирующее устройство, а варна шудр – воспроизводящее устройство, остается достаточно устойчивым, несмотря на серьезное влияние сторонних сил. Что касается Российской империи и СССР, то недопустимые упрощения структуры общества привели к историческим потрясениям, к гибели первой и распаду второго [1. С.93]. Речь идет об уничтожении класса дворянства, путем реформ Екатерины II и отмены крепостного права, а затем и ликвидации варны «вайшьев» или бизнесменов в Советской России. Таким образом автором был получен инструмент построения иерархии информационной системы человека [1. С.92;], а также модели социальных самоорганизационных систем [1. С. 100;].

В первой главе автор приходит к выводу, что исследование экономики – это исследование норм нравственности в их взаимосвязи и действительности, а не поиск неких «объективных» законов экономической жизни [1. С.126]. При этом, базовыми, критериальными нормами, в рамках культурологической концепции, являются культурными ценностями, которые инвариантны к другим нормам, включая так называемые экономические законы, которые по сути являются этическими ограничениями.

Во второй главе монографии автором определяется ряд гипотез о сущности бытия, приводящие к основополагающим вопросам современности [1. С.134]:

- в чем суть экономических отношений после завершения индустриализации;
- что такое знаниепроизводящая экономика;
- что обеспечивает максимальную скорость научно-технических нововведений;
- в чем суть современной конкуренции территорий;
- каково соотношение процессов глобализации и традиционализации мировой экономики;
- насколько универсальны для мировой экономики экономические институты, доминирующие в странах западной хозяйственной традиции;
- каковы главные достижения основных хозяйственных традиций мира;
- каково структурно-смысловое ядро высших критериев принятия решений в основных хозяйственных традициях мира;
- каковы механизмы снижения социально-экономического неравенства;
- каковы формы конкуренции территорий с разными хозяйственными традициями между собой и на субнациональном уровне.

Большая часть этих вопросов связана с ключевыми противоречиями современного мира, когда частная собственность на информацию и знания (бренды, базы данных и т. п.) становится основным источником прибыли, тем самым усиливает социальную дифференциацию и при этом несколько не повышает свободу вертикальной мобильности, которая реально могла бы уменьшить остроту классовых конфликтов. Социальное неравенство в современном мире продолжает возрастать, при этом нарастает оно не в рамках одной группы социальных институтов, а между группами социальных институтов: между отраслями и территориями.

Необходимо понимать, что не все общества считаемые постиндустриальными, действительно являются таковыми: «Общество с преобладанием сферы услуг над производственной сферой – не постиндустриальная экономика, а экономика, решившая проблемы избыточной рабочей силы» [1. С.140]. «Индустриализация – это процесс возврата человечества к стереотипам охотника и собирателя на новом кормящем ландшафте, имеющем не природное, а антропогенное происхождение», а «современная частная собственность есть «аграрный атавизм», поведенческий стереотип аграрного общества» [1. С.147]. «Эти выводы и следствия являются важнейшим заказом на развитие иного типа мышления современного человека – методологическую культуру, посильным вкладом в которую и является настоящее исследование» - указывает автор [1. С.148].

В этой главе автором критикуется современные правовые основы «экономики знаний», в том числе частное право на знания и информацию. Причудливая смесь экономики знаний и либерально-рыночных ценностей, нездоровое право собственности на результаты интеллектуальной собственности, приводит к разрушительным последствиям. На рынке выигрывает не эффективных предприниматель, не носитель эксклюзивного и исключительно полезного знания, а тот, у кого выше финансовая устойчивость на данный момент. А патентное право приводит к застою информации и технологий, когда предприниматель вынужден тормозить свое развитие на период пока патент не окупится.

«Ситуация аналогична рабовладельческой эпохе, когда нарождавшееся аграрное общество породило частную собственность одних людей в отношении других, несмотря на то, что это противоречило природе управления и развития аграрного хозяйства. Ныне человечество пришло к выводу, что рабство несовместимо с естественными правами человека. Скорее всего, такая же судьба ожидает и современные права на знания» - считает автор [1. С.152].

Здесь же сформулировано основное экономическое противоречие современной эпохи - противоречие между формами извлечения дохода из знаний и природой управления и развития знаниепроизводящей экономики: «Формулировка этого противоречия позволяет определить и основное направление проектирования систем управления. Эти системы должны обеспечить максимальную доступность знаниевых ресурсов для лиц и организаций, находящихся на управляемой территории. В этом ключ к конкурентоспособности любой территории, страны, цивилизации. А не в следовании либеральным рекомендациям... Знания, обеспечивающие скорость технического прогресса, есть знания о социально-экономических институтах» [1. С.152].

Параллельно с созданием так называемых «постиндустриальных обществ» наблюдается активное смещение центров принятия решений с национального уровня на наднациональный и субнациональный. «Особенно активно эти процессы происходят в Европе, менее заметно – в Восточной Азии и Америке. Особым случаем является исламский мир, где центр принятия решений сместился с национального на негосударственный международный уровень: государства там все более становятся не субъектами, а инструментами политики организаций, не имеющих национальной идентичности. В современных условиях государства все менее являются территориальными объектами и сплошными территориями, как

это было в аграрную эпоху, а все более – точечными территориальными объектами (военные базы, месторождения стратегических полезных ископаемых, транспортная инфраструктура и т. п.) и виртуальными объектами (валютная система, бюджет, СМИ, иные социальные институты), что требует иной, нетерриториальной функционально-институциональной структуры власти» - утверждает автор монографии [1. С.156-157].

В исследовании осуществляется анализ принципов, оснований и традиций западной экономической системы, которые явно вступают в противоречие с современными условиями хозяйствования или вызывают активное неприятие большинством человечества. С особой остротой заявляет о себе проблема, связанная с так называемым «симметричным обменом», одной из концепций рыночной идеологии. «Невидимой руки» Адама Смита попросту не существует. И даже не потому, что не все на планете – европейцы, и не потому, что пока не разработано рыночных методов управления монополиями и крупными многоуровневыми корпорациями. А потому, что «симметричный обмен» существует только как концептуальная редукция, - указывает автор, - Если базовые характеристики участников обмена качественно отличаются по нескольким параметрам (величина общего богатства, уровень удовлетворяемой потребности, редкость обмениваемых ресурсов, идеологические и иные информационные асимметрии и т. д.), то обмен не просто неэффективен, а вынужден. Это точно асимметрия. Со всеми признаками несправедливости, эксплуатации и ущерба общественным интересам» [1. С.161].

«В европейской культуре все пропитано идеей расширения: от крестовых походов и великих географических открытий до системы бухгалтерского учета, от научных исследований до общества потребления. Европейцы всегда жили в условиях расширяющегося мира. Такая ситуация породила представление о хозяйственной системе в форме линейной и экспоненциальной модели, по которой в хозяйственный оборот вовлекается все больше и больше ресурсов и получается все больший и больший результат. Эта модель является основой систем управления (прогнозирования, планирования, финансирования, контроля и т. д.) и зафиксирована в методологии бухгалтерского учета в форме принципа функционирующего предприятия. Она стала концептуальной основой таких хозяйственных операций, как операции с векселями, кредитами, займами, облигациями, т. е. формами экономических отношений, построенных по методике оценки стоимости денег во времени» - отмечает еще одно противоречие западной модели развития на фоне конечности планетарных ресурсов. Для такой экономики существует только то, что создает положительный денежный поток [1. С.172]. «Индивидуализм и внешняя экспансия породили восприятие европейцем окружающего мира как чуждого и подлежащего преобразованию в средство достижения своих целей» [1. С.173].

«Мифологизация абсолютной ценности человека основывалась на допущении его рациональной природы, его рационального мышления. Неудивительно, что потребности такого «мифического человека» также оценивались как рациональные и обоснованные. Исключалось какое-либо ограничение потребностей «свободного человека», которое, как казалось, навязывалось ему клерикалами. Этика рационального эгоизма, как известно, легла в основу системы экономического мировоззрения европейской цивилизации» - указывается автором [1. С.191]. Выше уже отмечалось, что даже в западной научной традиции пытаются как-то пересмотреть идею «экономического человека», но пока эти попытки носят локальный и поправочный характер.

Негативные последствия базовой рыночной системы пытаются нивелировать за счет инструментов надстроечной компенсации в виде социалистических идей и демократии. Хотя сам принцип демократического принятия решения далек от идеала, поскольку работает исключительно в интересах определенного круга лиц. «Преобладания в европейской традиции коммуникационных процедур принятия решений над иными процедурами стало европейское восприятие права как инструмента коммуникации между группами влияния, как проекта использования других людей в собственных интересах» - отмечает автор [1. С.182].

«Но у европейцев было главное конкурентное преимущество – институт акционерных обществ, позволявший не имеющему капитала предпринимателю очень быстро собрать необходимые финансовые средства», - отмечает автор.

Традиции хозяйствования: кто победит эффективный, но неустойчивый или неэффективный, но устойчивый?

Серьезный акцент в исследовании и других своих работах М.Ю. Савельев делает на анализе традиций хозяйствования ключевых «цивилизаций» на базе сравнительной культурологии, включая европейскую, латиноамериканскую, российскую, исламскую, индийскую, дальневосточную, Африки и Юго-Восточной Азии [15-19].

«По сути, рынок для латиноамериканской и российской культур – то же самое, что для европейцев – социализм. Это проект преодоления затруднений базовой модели хозяйствования, которая в условиях сетевой структуры имеет существенную экономию на транзакционных издержках, но теряет гибкость и динамичность, а следовательно, долгосрочную эффективность» [1. С.195].

Что касается исламского мира, то здесь на практике реализован принцип главенства гражданского общества над государством. «Даже войны в исламском мире сейчас ведут не государства, а сами общества... Исламский индивидуализм имеет особую поправку: базовая социальная единица там не индивидуум, а семья» - отмечает автор [1. С.199]. При этом индивидуализм при принятии решений в исламской традиции предопределен тем, что решение принимается не демократически, не консенсуально, не авторитарно, не тем, кто обладает наибольшим количеством богатства, а тем, кто обладает наибольшими знаниями. Восприятие людей неравными в общественной жизни укоренилось наряду с провозглашенным в исламе принципом равенства людей перед Богом. Этот базовый дуализм сформировал арабскую и, шире, исламскую модель принятия решений в соответствии с основополагающими критериями справедливости. Благодаря этому сложились важнейшие качества исламской хозяйственной традиции – гибкость и универсальность.

Индия — это общество аутентичного неравенства, делает вывод автор. Универсализм такой системы доведен до предела: любая неортодоксальная или неиндусская группа легко занимает в системе варнаштрамов и каст свое соответствующее место. Это самая устойчивая социальная система в истории человечества: индийское общество легко адаптировалось ко всем завоевателям от Александра Македонского до британцев и ко всем внутренним оппортунистам от джайнов до сикхов.

Что касается Китая и Японии, представляющие дальневосточные традиции хозяйствования, то здесь сформированы сетевые модели общества, хотя и имеющие серьезные отличия. «Важнейшим достижением собственно китайской культуры является выработанная сетевая модель самоорганизации китайской диаспоры – модель адаптации культуры к существованию вне базовой модели государственного управления. В результате китайское общество приобрело склонность к риску. Вне Китая сетевая координация китайской диаспоры выступает уже как базовая система управления и легко адаптируется к любым местным системам (разве что кроме индийской)» [1. С.207].

«В Японии сложилась иная сетевая модель – «общество-паутина» с пожизненным наймом и управляемой карьерой. Эта система стала эталонной и вошла во все западные учебники менеджмента как образец системы долгосрочного планирования и управления качеством» [1. С.208]. «Восточная Азия не может рассматриваться просто в рамках каких-либо национальных границ, но скорее в соответствии со своим социокультурным многообразием и динамикой распространения культур внутри нее» - говорит Н.К. Отмазгин (Nissim Kadosh Otmazgin) [50] и фактически ставит культурные ценности выше государств и экономики.

Заметим, что на фоне развития Исламского мира, Дальневосточной цивилизации, Латиноамериканского мира, претензии западных идеологов на единственную истину выглядят чересчур амбициозными. Тем более, что в Западном мире огромное количество нерешенных противоречий. Небольшая, но крайне выразительная иллюстрация - Кира А. Чоудхари (Cyra Akila Choudhury) [51] утверждает, что американская культура остается решительно расистской. Речь идет в том числе и о роли и месте женщин представителей расовых или национальных меньшинств на фоне доминирующей роли представителей белой расы. Даже десятилетия спустя действия антидискриминационных законов, многочисленных инициатив и феминистской пропаганды, гендерное неравенство приводит к таким неудобным вопросам как — действительно ли женщина хочет равенства? При этом североамериканская культура — квинтэссенция западных ценностей.

В целом, на основе анализа традиций хозяйствования, автор приходит к выводу: «Столкновение более эффективной и менее устойчивой и справедливой экономической системы Запада с менее эффективной, но более устойчивой и справедливой исламской экономической системой и является экономической основой крупнейшего мирового конфликта современности. Учитывая долгосрочное снижение темпов экономического роста реального сектора мировой экономики, можно сказать, что у западной модели нет будущего. Видимо, ближайшие полвека уйдут на то, чтобы мировое сообщество приняло исламские экономические принципы».

Социальное неравенство. Новые тенденции и особенности

Практическая значимость исследования напрямую связана с решением проблемы социального неравенства. Это вызов, который стоял перед человечеством всегда, но вместе с тем все попытки дать какой-то внятный ответ на него, так и остались попытками. Более того, неравенство углубляется и принимает новые формы.

Западная система оказалась не в состоянии ответить на эти вызовы. Демографическая политика оказалась самым слабым звеном европейской модели развития: принципы индивидуализма и равенства, распространяясь на семейные отношения, в корне подорвали ранее господствовавшие христианские основы семьи, а развитые социальные гарантии создали существенные альтернативы инвестициям в собственных детей. Результат известен – депопуляция.

Социальное неравенство трансформировалось в неравенство не только по принципу «развитые» – «неразвитые» государства, но и по принципу отдельных территорий. Что касается России, то здесь усугубляет проблему искусственное административное деление. «Концепция комплексного развития территорий стала теоретической основой политики консервативного развития регионов и сепаратистских тенденций, что характеризует ее как главный инструмент асимметричной конкуренции региона с государством» [1. С.252].

Автором исследования классифицирован конфликт между развитыми и развивающимися странами как разновидность классового конфликта, приобретшего международный характер [1. 228]. По его мнению, в число «мероприятий по снижению социального неравенства в условиях постиндустриального общества необходимо включить следующие проектные разработки:

- снижение величины прожиточного минимума за счет стимулирования снижения стоимости наиболее дешевых товаров и самоорганизации потребителей;
- признание исключительной общественной формы собственности на информацию;
- обязательную капитализацию трудового и интеллектуального капитала в стоимость предприятий;
- обязательную капитализацию социального капитала в стоимость предприятий;
- отказ от налогов с условно-переменных баз и переход на рентные налоги;
- обязательную капитализацию инфраструктурно-организационного капитала в стоимость предприятий;
- признание общественно полезным и гарантированно оплачиваемым государством трудом труда в семье по воспитанию детей [1. С.232].

Глава 3 монографии наряду с другими работами М.Ю. Савельева [19-25] посвящена общей экономической теории цивилизаций. Сформулированные в предыдущих главах принципы теоретической работы, выработанные онтологические и методологические подходы позволили сформулировать общую экономическую теорию цивилизаций. В главе определены принципы общественного самоопределения и культурный контекст. «Реально общечеловеческой может быть только система ценностей, в которой ценности всех глобальных культур признаются равнозначными» - отмечает автор.

Автор анализирует организационные особенности инвестирования и обусловленные этими факторами организационные системы и структуру, с учетом делегирования полномочий по управлению бюджетами вниз по менеджерской иерархии. В главе сформулированы основные подходы к проектированию территориальных систем управления на основе действительно общечеловеческих ценностей. Не надо только путать их с либерально-рыночными «общечеловеческими ценностями».

«Адекватный подход к построению системы общечеловеческих ценностей повлечет за собой наиболее существенные изменения норм деятельности именно для цивилизации Запада, и наименьшее – для дальневосточной цивилизации. С этой точки зрения попытка в России принять европейскую модель за образец нормативного регулирования выглядит как стратегически неверная, сродни импорту устаревших технологий, исключающих возможность получения хоть каких-то конкурентных преимуществ. А проектирование территориальных систем управления требует применения опережающих технологий» [1. С.268] – отмечает автор.

Здесь стоит отметить, что глубоко практические исследования подтверждают справедливость этих утверждений, хотя речь идет о других хозяйственных традициях. Моучин Таллаки (Mouhcine Tallaki) и Энрико Браччи (Enrico Bracci), изучая проблему создания и развития системы контроля в мароканских компаниях, головные офисы которых находятся в Европе, пришли к выводу, что система менеджмента и различные теории, разработанные в условиях одной культуры, не могут быть просто экспортированы в другие культуры, поскольку национальная культура крайне важна для стиля управления [52]. Хотя соблазн такого экспорта есть, поскольку общая философия управления, казалось бы, могла способствовать повышению эффективности, сократить время на коммуникационные функции и обеспечить успех общей стратегии [53].

Исследования Моучина Таллаки и Энрико Браччи показали, что культура недооценивается европейским менеджментом и собственниками материнских компаний. Они получили некую гибридную систему управления контролем, совместив разный набор культурных ценностей. Непосредственно адаптировать чужие ценности оказалось невозможным. Ими так же подтвердились ранее сделанные выводы Фримоуссе (Frimousse S) с соавторами [54] о том, что гибридизация систем управления персоналом (HR-менеджмент) с учетом национальных культурологических особенностей регионов

локализации материнских и дочерних компаний приводит к серьезному росту лояльности и даже приверженности персонала корпоративным ценностям и серьезно снижает текучесть кадров.

Автор неоднократно останавливается на требованиях к «языку», как эффективному коммуникативному инструменту в различных хозяйственных процессах с учетом культурных ценностей. На странице 313 сформулированы особенности языковых конструкций для различных социально-экономических моделей: «У отчуждающей культуры с преимущественно однородной рыночной координацией основной проблемой является унификация мыслительных процедур для упрощения коммуникативных процессов между слабосвязанными участниками взаимодействий, например, в целях применения управленцами в отношении исполнителей формальных методов контроля. Здесь необходимы языки с широкими неразмытыми смыслами, позволяющими применять рациональное, позитивистское мышление.

Обособляющая культура с преимущественно неоднородной рыночной координацией основной проблемой имеет необходимость сплочения коллективов и деловых партнеров в условиях высокой неопределенности внешних и внутриорганизационных связей. Тут необходимы языки с широкими размытыми смыслами, позволяющими применять методическое, рефлексивное мышление. И, наконец, для уравнивающей культуры с преимущественно сетевой координацией проблемно согласование всех вариантов существенных условий долгосрочных деловых связей. Там необходимы языки с узкими неразмытыми смыслами, позволяющими применять экспертное, директивно-пропагандистское мышление» [1. С.313].

В этой же главе переосмысливается «теория организации». Проводится историческая ретроспектива, в которой дано объяснение возникновения и развития организаций. Автор приходит к выводу, что в условиях однородной рыночной координации единственной причиной возникновения организации являются инновации и предпринимательство. Никаких внешних заказчиков на инновационный (предпринимательский) проект, кроме инвесторов, быть не может. Организация им нужна для избежания неопределенности в получении дохода от инвестиций [1. С. 323]. При этом появление наемных работников вследствие реализации инновационного (предпринимательского) проекта неизбежно порождает классовое неравенство. Так что возникновение организаций и нарушение рынка совершенной конкуренции – единый процесс. При этом, реальным заказчиком на бизнес в условиях преимущественно однородной рыночной координации является инвестор, а не менеджмент или потребитель продукции [1. С.338]. А кто конечный инвестор? Ответ одновременно гениален и прост — потребитель.

Здесь стоит отметить, что автор предостерегает от прямой связи бизнес и организация. Ссылаясь на Рональда Гарри Коуза он отмечает допустимость модели частного предпринимательства, в которой нет организаций [1 С. 338]. Это достаточно важный тезис, для последующего моделирования и проектирования сетевого общества, осуществленного в монографии.

Далее, логическое обоснование целей создания организации, особенностей инвестиционных денежных потоков, определив заказчиков на инвестиции, позволили сформулировать нетривиальный вывод: смена инвестиционного механизма приведет к смене социального строя [1. 347]. Поскольку это один из ключевых результатов исследования, попробуем передать логику автора.

Инвестиционноограниченный характер экономики порождает конкуренцию предпринимателей за инвестиционные ресурсы. Интересы инвесторов заключаются в доходности, возвратности, надежности и сохранности инвестиций. Организация, призванная снять неопределенность в получении дохода инвестором, называется фирмой или коммерческой организацией. Соответственно, типом управления коммерческой организации является такое управление, которое максимизирует доходность организации и минимизирует риск его получения. Попытки разработчиков теории фирмы приписать коммерческим организациям иные цели бессмысленны. Иных целей нет.

Этот астрологический критерий периодичности сохранился нетронутым до сих пор, напрямую влияя на систему финансового анализа и принятие (а точнее мистификацию) решений... Европейцы, видимо, в силу рационального и материалистического склада ума, считают юридические лица субъектами права. Как это ни дико всему миру, европейцы уравнивали-таки в правах не только людей, но и людей и богов» [1. С.165].

Основным денежным потоком в фирме является инвестиционный денежный поток, важнейшим финансовым документом – отчет о прибылях и убытках. Накопление имущественного капитала, связанное с заменой труда более производительными средствами производства, есть важнейшее средство снижения неопределенности отношений внутри организации. Денежный поток от реализации продукции в этом случае становится вспомогательным денежным потоком. Потребители, поставщики и наемные работники в этой модели становятся управляемой в интересах инвесторов частью исполнительского бизнес-процесса. Нормотворчество в форме коммуникационного проектирования порождает соответствующую модель права. Право, в свою очередь, воспринимается как средство социальной коммуникации, позволяющее

неслучайно использовать в своих целях других людей. Главенство частных интересов обуславливает прецедент как основной источник права. В этом переходе от микроэкономического к макроэкономическому регулированию общественных отношений кроется заказ на образцовую правовую систему в виде общего (прецедентного) права и доминирование частного права над остальными правовыми семьями [1. С.339].

Ограниченность такой модели правовых отношений наиболее ярко отражается в правовом регулировании отношений работодателей и наемных работников. Последние, исходя из ценностных установок отчуждающей культуры и этой модели права, воспринимаются как равноправные поставщики одного из ресурсов – «труда». При этом прецедентный характер правовой системы не позволяет фиксировать, что такая форма отношений не может быть равноправной из-за априорного отсутствия в трудовых отношениях существенных условий контракта, а именно указаний как выполнять работу [1. С. 343].

Отношения собственник – управляющий кроме как случай двустороннего неполного контракта могут быть рассмотрены как ситуация частичной двусторонней монополии. В итоге в значительной части фирм складываются правящие сетевые коалиции из собственников и управляющих, вступающие внутри организации в неоднородные рыночные отношения с наемными работниками и другими сетевыми коалициями (профессиональными группами или трудовым коллективом в целом). Структура же отношений между собственниками и управляющими внутри сетевой коалиции будет соответствовать уже иной модели организации.

При этом, возникает проблема оппортунизма инвесторов, решение которой в изменении институциональной модели инвестирования. Поскольку основных форм первичных инвестиций не так уж и много – всего две: заемные и собственные, то выбор сужается к двум альтернатив. Заемные средства несут массу оппортунистических явлений [1. С.344]. Это как раз тот случай, когда естественно (в силу следования определенной традиции) сложившийся социально-экономический институт оказывается вреден обществу [1. С.345]. Институт заемных инвестиций непрерывно разрушает и экономику в целом, и отдельные применяющие его бизнесы, в частности, инвесторами в их деятельности напрямую не фиксируется.

В принципе, любая система инвестирования, функционирования организаций и бизнеса при доминировании либерально-рыночных ценностей, приводит к той или иной вариации оппортунизма, либо между собственниками и менеджерами, либо между менеджментом и работниками. Поэтому по мнению автора «Если мы ставим в качестве основной экономической цели не максимизацию эффективности инвестиций, а, например, максимизацию качества жизни, объема инвестиций, занятости, скорости инноваций или минимизацию использования ресурсов или загрязнения окружающей среды, то современные инвестиционные институты, обеспечивающие инвестиции как в собственные, так и в заемные средства предприятий, не соответствуют таким задачам, - утверждает автор, - Единственный инвестиционный институт, исключая оппортунистическое поведение инвесторов, – это инвестиции в собственные средства предприятий с использованием привилегированных акций. Но для того чтобы такая модель инвестиционной деятельности стала доминирующей в экономике, необходимо права мажоритарных инвесторов по утверждению инвестиционных проектов и назначению менеджеров передать иным, нефинансовым институтам. Замечу, что в этом случае выиграют в первую очередь сами инвесторы, так как произойдет существенное снижение инвестиционных рисков для всего рынка инвестиций в целом. Но такая реформа инвестиционных институтов будет ни много ни мало сменой социально-экономического строя общества» [1. С. 347].

Еще одним важнейшим дискуссионным вопросом является вопрос о праве частной собственности на средства производства, которое и порождает конкурентные преимущества в форме месторасположения, размеров предприятия и доли на рынке. «Институт частной собственности имеет исключительно знаниевую природу, содержащуюся в сознании людей, пользующихся этим знанием для извлечения дохода - считает автор, - Иллюзия того, что однажды принятые инвестиционные решения могут приносить вечную ренту, противоречит очевидному факту накопления человечеством знаний. Знания, на основании которых был создан бизнес, непрерывно обесцениваются, а для его поддержания требуются все новые и новые знания. В этом ключ к зыбкости частной собственности на средства производства [1. С.350].

В связи с этим, необходимо упомянуть появившуюся теорию «общества доверия», которое построено на основе широкой вовлеченности потребителей в управление организациями и предприятиями. «Если капитализм подрывает традиционное доверие и способствует развитию современной формы веры, то это приведет к созданию новой формы общества доверие» - писал в свое время Пол С. Адлер (Paul S. Adler) в своей работе «Рынок, иерархия и доверие: экономика знания и будущее капитализма» [55].

Исходя из этих предпосылок, автор моделирует сетевые общества, которые бы соответствовали критерию Йозефа Шумпетера о том, что скорость технического прогресса, а не эффективность размещения ресурсов в любой момент времени в долгосрочном периоде определяет, будут реальные доходы высокими или низкими [1. С.360-361]. В несколько переосмысленном виде он звучит следующим образом: наиболее эффективными моделями, которые позволяют наилучшим образом раскрыть творческий потенциал общества с определенной культурой, а не какая-то однозначная схема, рожденная пусть даже в самой гениальной голове. Для народов с разной культурой модели могут быть разными, даже взаимоисключающими, лишь бы они обеспечивали максимальное производство знаний.

В целом, ни собственники, ни менеджмент, ни даже трудовые ресурсы в лице наемных работников не являются истинными выгодополучателями бизнес-организации. Последние ввиду наличия трудовых контрактов, которые хотя и не ставят их на уровень так называемого «человеческого капитала», но все-таки низводят их до участников процесса управления организацией, то есть субъектов, склонных к оппортунизму.

Поэтому в противовес «обычаю западноевропейских аборигенов», считающих, что конечным на выручку акционерного общества являются акционеры, что проистекает из гипотезы максимизации прибыли, автор предлагает механизм «ренты лояльности» и вовлечение в управление бизнесом потребителей, которые по сути и являются его основными заказчиками, а значит и инвесторами.

Это достаточно близко к термину «власть потребителей», получившему широкое распространение на Западе. «Власть заказчика/ потребителя приобретет важность и первостепенное знание, что является результатом конвергенции долгосрочных тенденций развития. Передача “власти” от производителя к потребителю полагается на новое определение ценностей, ценностей знания продукта» - отмечают Люминица Чиву (Luminița Chivu), Константин Цютаку (Constantin Ciutacu) и Ян И. Гаф-Дюк (Ioan I Gaf-Deac) [56]. Основываясь на этом допущении, они предлагают совершенно неадекватную либерально-рыночным ценностям систему государственного вмешательства в процесс эксплуатации природных ресурсов. «Экономический человек» в шоке от «ограниченной цены» и контроле в виде политических препятствий в новой модели экономики. «Новое поведение, афферентное к экономическому мышлению и характерное для новой экономики должно опираться на естественные механизмы» - говорят Люминица Чиву, Константин Цютаку и Ян И. Гаф-Дюк. Что такое естественные механизмы, как ни глубинные культурные и этические нормы?

Однако в контексте исследования «Мультикультурный институционализм. Общая экономическая теория цивилизаций. Политическая экономия традиционализма. Проект сетевого общества» термин «власть потребителя» является намного глубже и не просто отражает банальную конкуренцию на рынке за покупателя, а совершенно особую, преобразующую силу. Попытаемся расшифровать этот тезис, поскольку он является одним из важнейших результатов данного исследования.

Автор обращает внимание на тот факт, что любая система управления в первую очередь строится на недоступности каких-либо знаний широкому кругу лиц. «Сохранение тайны фактических целей и методов управления, по сути, и обеспечивает возможность управлять. Утрата эзотеричности социознания означает непригодность его для управления» - указано в монографии [1. С.70].

И здесь ключевую роль сыграла система бухгалтерского учета, разработанного Лукой Пачоли. Обобществление этого «эзотерического знания» привело вначале к разрушению экономической монополии католической церкви: «Светские государи оказали конкуренцию институту католической церкви, так как приобрели к тому времени новый менеджерский инструмент – современный бухгалтерский учет, который позволял надежно фиксировать в документах доказательства хозяйственных операций вместо гарантии истинности показаний перед лицом религиозного авторитета» [1. С.164].

Далее Карл Маркс фактически обобществил эти компетенции до уровня наемных работников, что позволило ему сделать вывод о неизбежности смены социального строя или как пишет автор - «возникла социалистическая идея, что рабочие могут самостоятельно, без участия капиталистов управлять предприятиями, пользуясь, естественно, данными бухгалтерского учета» [1. С.451].

Здесь важно отметить, что социалистическая революция — это революция культурных ценностей в первую очередь. Другое дело, что культурные ценности оказались теми же самыми, что и в либерально-рыночной среде, но только со знаком минус. Перефразируя и расширяя Маркса, Йозеф Шумпетер (Schumpeter, J.) писал [57]: «Капитализм создает критический настрой, который уничтожая власть и авторитет многочисленного ряда институциональных форм, в конце концов оборачивается против себя самого; буржуа находит к своему удивлению, что рационалистическое отношение не останавливается на ликвидации полномочиях королей и пап, но переходит к атаке на частную собственность и всю систему буржуазных ценностей... Капиталистический процесс не только разрушает свою собственную институциональную основу, но также создает условия для другой. Уничтожение может быть не правильное слово, скорее трансформация. Исход процесса - это не просто пустота, которая может

заполняться чем бы то ни было; вещи и души трансформируются таким образом, чтобы стать максимально пригодными для социалистической формы бытия. С каждым кирпичиком вынутым из-под капитализма исчезает социализм становится все более неизбежным».

Каков же следующий этап потери бухгалтерским учетом своего тайного и мистического ореола? Ответ в перефразированном лозунге большевиков — «Вся власть потребителям!» Исходя из теоремы Р. Г. Коуза заключающейся в том, что правами собственности на ресурс будет обладать тот, кто выше его ценит, автор приходит к выводу, что только власть потребителя максимизирует инвестиции [1. С.395].

Частично этот подход уже реализуется в западных системах управления, особенно в менеджменте качества, где реакция потребителей на продукт или услуги является важнейшим элементов управления предприятием. И именно в исследованиях в области менеджмента качества особый акцент делается на культурных различиях традиционных систем хозяйствования, характерных для тех или иных социально-экономических систем. Удивительно, что этот факт не замечают теоретики и практики управления, в том числе и управления качеством.

Тот же эффект «японского чуда», который красноречивей всего, потому что реализован на практике, демонстрирует порочность прямого переноса субъективных догм, работающих в одной культурной среде, в чуждую. Привнесенные идеи, причем родом и США, привели к совершенно лавинообразному экономическому росту и росту качества труда. Но при этом они были привиты к «культурному» древу страны восходящего солнца. Речь идет об опыте Эдвардса Деминга, никак не востребованного на родине, но создавшего за кратчайшие сроки первого «азиатского тигра». Исследования на тему почему новая управленческая философия не работает в США так же эффективно, как и в Японии, выявила коренные отличия в культуре, ценностях, образе мышления и целеполагании среднестатистического японца от такого же среднестатистического жителя североамериканского континента.

Косаку Йошида (Kosaku Yoshida) [58] утверждает, что успех японского бизнеса начался с того самого момента, когда американские идеи были привиты к холистическим ценностям жителей Японии. Успех философии Деминга в Японии невозможно понять и объяснить вне японской среды, вне исследования фундаментальных различий между японским и американским образом мышления. Речь по сути идет об огромных культурных различиях, благодаря которым идеи вовлечения в управление предприятием не только работников, но и потребителей, обеспечили успех японской экономики. Косаку Йошида пишет прямо — успех японского бизнеса после Второй Мировой войны, обусловлен различными факторами, включая мощное участие государства в экономическом планировании, значительном притоке технологий и инвестиции из США, кооперации всех уровней экономических структур, высоком качестве рабочей силы, высоким процентом инженеров среди топ-менеджмента. Среди этих факторов немаловажное место занимает концепция качества Эдвардса Деминга и японская холистическая культура, которая оказалось готовой воспринять эту концепцию.

Нет смысла останавливаться на этом, поскольку основные противоречия между американским и японским восприятием Эдвардса Деминга хорошо известны. Отметим только, что ему пришлось разрабатывать подробные инструкции для американских менеджеров для того, чтобы нивелировать их культурные особенности и добиться подобия холистического восприятия идей менеджмента качества японскими коллегами [59-60]. Если японские специалисты и работники готовы безоговорочно следовать однажды установленным фундаментальным философским принципам компании, в том числе корпоративным целям, инструкциям, задачам, то американцам необходим четкие цели, подробные, пошаговые инструкции. Без этого американские работники вообще не могут функционировать [60]. Это одна из причин почему американские компании с трудом внедряют японский стиль управления.

Еще один фактор, отмеченный Косаку Йошида [60] связан с культурным многообразием в США и соответственно культурной однородностью Японии. При этом в США возникает явление толерантности, которое хотя демонстрирует уважение к чужим ценностям, предотвращая хаос во взаимоотношениях, тем не менее приводит к четким границам между носителями разных культурных ценностей, и их неприемлемость ни одной из субкультур. «Большинство социальных ценностей в Японии достаточно хорошо известны и широко приняты, поэтому так называемые «уникальные», замешанные на индивидуализме люди чувствуют себя в Японии очень неуютно» - утверждает Косаку Йошида. Особая вербальная культура, основанная на Хайку и Вака формирует уникальный коммуникационную основу характерную для Японии. Это оказывается настолько серьезное влияние на японских менеджеров, что их восприятие научных и правовых документов построены на основе так называемого чтения между строк, столь характерных для хайку. Как это было остроумно замечено, большую часть информации японские менеджеры получает не из текста, а из «пустого пространства на официальных документах». Это принцип Башо (известный японский поэт XIX века), согласно которому нет ничего красноречивей молчания.

Автор монографии «Мультикультурный институционализм. Общая экономическая теория цивилизаций. Политическая экономия традиционализма. Проект сетевого общества» определил предпосылки, которые являются основой для социально-экономической эволюции от представительской демократии к прямой, от либерально-экономической экономики к экономике культурных ценностей, от общества потребления к сетевому обществу. «Везде, где имеется ситуация рынка покупателя, мы имеем потенциальную возможность сетевой координации, основанной на власти покупателя. Его интересы просты – качественнее, дешевле, своевременно и т. д. Организация в этом случае есть инструмент по снятию неопределенности в удовлетворении потребностей потребителей. Финансовым результатом в этом случае будет экономия, которую получает потребитель от результатов деятельности поставщика» - отмечает автор [1. С.380].

Исходя из переосмысления целей инвестирования, с точки зрения функционирования всего общества, экономика нужна для физического и культурного воспроизводства человечества. Грубо говоря, там, где не рождают или плохо воспитывают детей – экономика плохая. Как этот очевидный критерий фиксируется в сознании высшего менеджмента? - задается вопросом автор и отвечает на него: Ответ очевиден и парадоксален одновременно. Только нравственным воспитанием милосердия к людям. Любая другая управленческая технология неизбежно породит тирана и тоталитарное общество. Каковы же культурные условия реализации такой управленческой технологии? Единственным известным культурным условием использования высших нравственных норм в качестве критериев принятия управленческих решений является высший методологический уровень развития управленческой культуры» [1. С.403-404].

К этой идее постепенно приходят мировые мыслители. «Чтобы доверие стало доминирующим механизмом координации в организациях, широкое партисипативное управление и многосторонний контроль должны прийти на смену автократическому управлению и контролю со стороны собственников. А для того, чтобы доверие стало доминирующим механизмом для координации взаимодействия между организациями разумное, но демократическое планирование должно вытеснить рыночную конкуренцию как доминирующую форму распределения ресурсов. Хотя при этом рынок может сохранить вспомогательную роль. Если капитализм может быть определен как форма общества, характеризующаяся рынком иерархически управляемого наемного труда и конкурирующих фирм, то общество, основанное на доверии, есть ни что иное, как посткапитализм. Множество институциональных компонентов капитализма, в частности имущественные права, корпоративное право, трудовое право, и даже форма государственного управления должны быть изменены» - пишет Пол С. Адлер [55].

Более того, важно обратить внимание, что на Западе ведутся серьезные практические исследования в этой сфере. Например, еще в 2003 году Еврокомиссия обратила внимание бизнес-сообщество, на «критическую важность потребителей для успешного инновационного процесса» [61]. Именно потребитель является наиболее важным и чуть ли не единственным драйвером инновационного процесса. Проведенное по заказу Еврокомиссии исследование подтвердило, что компании и представительские организации уверены, что государство в состоянии повысить роль потребителей в инновационном процессе, через публичную политику. Хотя, справедливости ради, что пока под «властью потребителей» на Западе понимают в большей степени банальную покупательскую способность.

Кроме переосмысления роли потребителя, как основного инвестора и участника управления, автором предложена модель участия в управлении бизнесом менеджера. Модель стирает различие управленца и предпринимателя. «Важнейшим институциональным нововведением в предложенной модели должны стать соответствующие изменения системы учета. Так, для учета инвестиций со стороны разных институциональных инвесторов и для учета причин формирования финансового результата необходимо изменить модель синтетического учета инвестиций и финансовых результатов. А для учета профессиональной деятельности управленцев необходимо сделать предметом учета и все локальные нормативные акты, возникающие в организации» - указывает автор [1. С. 416].

При этом должна быть реализована система, которая не позволяет инвестору, в том числе, представляющему заемные средства, получать вознаграждение превышающее экономический рост заемщика.

Практическая значимость работы и ситуация в России

Начнем с того, что в работе предприятия серьезная попытка разработки новой парадигмы экономической теории. И достаточно успешная, поскольку не только объясняют эмпирические данные, противоречащие общепринятой рыночно-либеральной теории, но и позволяют проектировать социально-экономические системы хозяйствования с учетом культурных ценностей того или иного общества.

Практическое применение исследования показывает основные направления изменения конституционных норм и норм, регулирующих гражданские и трудовые отношения, определяющих

налоговую, кредитно-денежную и структурную политику. Второй практической областью применения результатов исследования можно назвать изменение системы профессиональной подготовки управленцев и экономистов. Третья область практического применения – проектирование деятельности организаций. Четвертая – использование результатов настоящего исследования в качестве идеологии при создании партии будущего.

Рассмотрим некоторые положения, которые автор сформулировал непосредственно в отношении российской действительности. «Учитывая высокое территориальное и отраслевое разнообразие экономики России, ее можно охарактеризовать как экономику, предрасположенную к формированию асимметрично рыночных или иерархических отношений, но инерция российской культуры требует формирования сетевых экономических отношений» - пишет автор.

Слепое копирование западных норм и искаженная трансформация сетевых связей, характерных для российского общества привели к тому, что без вмешательства в ситуацию, Россию ожидает разрушительная волна дезинтеграции, на фоне которой парад суверенитетов 1990-х годов – всего лишь буря в стакане воды. Эти признаки очевидны уже сейчас и касаются всех россиян. Это деиндустриализация экономики, деинтеллектуализация России и депопуляция населения. Исчерпание запасов углеводородов и колонизация извне во всех формах только усугубят эти негативные перспективы.

Для предотвращения такого эсхатологического исхода российской цивилизации необходимо существенно менять систему правового регулирования экономической деятельности. Такое изменение, конечно, можно назвать изменением экономического строя общества или, говоря современным языком, построением новой экономической системы, но необходимо дать одно уточнение: для этого управленческого изменения не нужна социальная революция, так как все необходимые институты уже существуют. Необходимо всего лишь внести в них некоторые уточнения и изменить приоритеты политики [1. С.423].

На вопрос какие именно «уточнения и изменения приоритетов политики» - отвечает данное исследование.

Попытаемся определить основного бенефицианта исследования. Это в первую очередь потребители, являющиеся основными заказчиками бизнеса, соответственно организации, государственной системы управления и в конечном итоге социального строя. По сути, основным законом должна быть не Конституция, а надконституционные нормы и культурные ценности.

Стоит отметить, что исследование серьезно опережает понимание ситуации в мире, даже терминологически. Это происходит и потому, что в мире доминирует идея первичности экономики над культурой. И даже склонны рассматривать культуру как «экономическую отрасль» [62].

Переход от иерархической и «псевдопредставительской» демократии к новой форме общественно-политических и экономических отношений в виде сетевого общества уже обеспечен даже на уровне технических и технологических инструментов. «В условиях стабильности общественных отношений, всеобщего среднего и массового высшего образования, глобальной системы мгновенной коммуникации почти каждого с каждым на планете, изощренности современных предвыборных технологий, выдвижения задачи повышения качества жизни в приоритетную общественную задачу, а науки – в основную отрасль развития экономики, профессиональные политики в законодательной власти независимо от партийной принадлежности не способны или сознательно уклоняются от решения большинства социально-экономических, политических и гуманитарных проблем. Время вернуться к истокам демократии Перикла, когда при предоставлении должностей голосование заменялось жеребьевкой. Только такая демократия в завершившем индустриализацию обществе может быть легитимной» - основа не только для преобразований, но и глубокой, даже где-то подсознательной трансформации человеческого индивидуума, который так же далек от «человека экономического», как современный человек от своего общего с обезьяной предка.

То общество, которое первым поставит бухгалтерский учет на службу потребителям, получит существенные конкурентные преимущества по сравнению с другими обществами — отмечает автор. И это тоже один из практически ценных результатов исследования. «Первейшей конституционной нормой нашего общества должна стать норма приоритета интересов и прав потребителей над интересами и правами инвесторов, трудящихся, изобретателей, предпринимателей и менеджеров. Во исполнение этой нормы в отношении организаций необходимо законодательно признать равенство денежных потоков от инвестиций всех форм и от приобретения товаров и, как следствие, – равенство прав на управление инвесторов и потребителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Савельев М.Ю. Мультикультурный институционализм. Общая экономическая теория цивилизаций. Политическая экономия традиционализма. Проект сетевого общества, Ижевск : Ассоц. по методол. обеспечению деловой активности и обществ. развития «Митра», 2015. – 488 с.
2. Савельев М.Ю. Управление межнациональными отношениями и этносоциальными процессами средствами мультикультурного институционального проектирования в целях прогнозирования, предупреждения и регулирования конфликтов // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.36-44.
3. Савельев М.Ю. На пути к новой парадигме экономической и управленческой науки // Менеджмент: теория и практика. 1999. № 3 – 4. С. 42 – 63.
4. Савельев М.Ю. Проект парадигмы синергизма экономической науки // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.28-35.
5. Савельев М.Ю. Свойства экономических знаний // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.52-64.
6. Савельев М.Ю. Структурный анализ текстов по самоорганизации и самовоспроизведению // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.96-103.
7. Савельев М.Ю. Синергетическая структура текстов социальных теорий // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.127-137.
8. Савельев М.Ю. Синергетическая структура денежной системы // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.150-154.
9. Савельев М.Ю. Критика теорий переходной экономики // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.155-159.
10. Савельев М.Ю. Специфика разработки теоретических знаний для управленцев // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.45-51.
11. Савельев М.Ю. Современные изменения в структуре экономических знаний // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.260-265.
12. Савельев М.Ю. Онтологическая критика теорий постиндустриального общества // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.160-168.
13. Савельев М.Ю. Основное экономическое противоречие современной эпохи // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.366-369.

14. Савельев М.Ю. Постиндустриальные инструменты управления социально-экономическим неравенством территорий // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.253-259.
15. Савельев М.Ю. Как глобализация и традиционализация экономики меняют экономическую картину мира // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.210-219.
16. Савельев М.Ю. Как западные институты и традиции хозяйствования ограничивают развитие в иных культурных средах // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.177-195.
17. Савельев М.Ю. Институциональное взаимопроникновение хозяйственных традиций мира // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.196-209.
18. Савельев М.Ю. Исследование аутентичности культуры и экономических отношений // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.230-241.
19. Савельев М.Ю. Общая теория координации хозяйствующих субъектов (культурный контекст) // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.281-296.
20. Савельев М.Ю. Общая теория организации (культурный контекст) // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.297-314.
21. Савельев М.Ю. Исследование влияния культурных сред на неопределенность управления // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.324-336.
22. Савельев М.Ю. Применение общей теории организации к проектированию инвестиционных институтов // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.337-344.
23. Савельев М.Ю. Окончательное решение классового вопроса: модель рент дисциплины и лояльности // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.345-361.
24. Савельев М.Ю. Тотальная демократия, социальный капитал и рента доверия // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.391-401.
25. Савельев М.Ю. Организационный капитал и рента конечного претендента // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.402-414.

26. Савельев М.Ю. Сетевая модель международных отношений // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.415-418.
27. Савельев М.Ю. Проект сетевого общества // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.419-431.
28. Савельев М.Ю. Исторические проблемы методологии бухгалтерского учета // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.455-460.
29. Савельев М.Ю. Обеспечение безопасности страны средствами культурообусловленного проектирования знаниепроизводящих социально-экономических институтов // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.432-438.
30. Савельев М.Ю., Савельева М.Г. Методологическая культура как предвестник новой парадигмы экономической науки: что нужно делать с образованием высших управленцев // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.470-479.
31. Савельев М.Ю., Савельева М.Г. Из материалов программы «Развитие Удмуртии»: образование и наука // Менеджмент: теория и практика. 2000. № 5. С. 80 – 85.
32. Савельев М.Ю. Может ли УдГУ быть исследовательским университетом // Проблемы региональной экономики, № 4-5, 2011. С. 164-170.
33. Савельев М.Ю. О стратегическом развитии Института экономики и управления Удмуртского государственного университета // Проблемы региональной экономики, 2014, № 1-2, С 315-319.
34. Савельев М.Ю. Удмуртскому госуниверситету нужна новая стратегия развития // Наука Удмуртии, № 2 (72), 2015. С. 123-133.
35. Савельев М.Ю. Из материалов программы «Развитие Удмуртии»: демографическая политика. // Менеджмент: теория и практика. 2000. № 5. С. 78 – 79.
36. Савельев М.Ю. Возможные направления изменения структуры Правительства Удмуртской Республики по управлению реальным сектором экономики. // Менеджмент: теория и практика. 2001. № 1-2. С. 215 – 239.
37. Савельев М.Ю. Аналитическая записка «Критика концепции проекта «Расширенный федерализм, сетевое государство и субсидиарность» (доклад С.В. Кириенко)» // Гражданское общество: практические и научно-методические аспекты. – Ижевск, 2002. С. 41 – 43.
38. Савельев М.Ю. и др. Разработка моделей структуры и функций органов управления реальным сектором экономики регионов и муниципальных образований Российской Федерации в целях устойчивого развития и предотвращения структурных кризисов в условиях переходной многоукладной экономики. Под ред. М.Ю. Савельева. // Роль региональных и муниципальных органов власти в развитии экономики России. – Ижевск, 2003. С. 189-477.
39. Савельев М.Ю. Направления оптимизации территориальной системы управления Российской Федерации в целях развития гражданского общества // Власть и общество: Гражданское участие. – Ижевск, 2003. С. 31 – 68.
40. Савельев М.Ю. Асимметричные формы конкуренции национальных и субнациональных территорий // Проблемы и перспективы развития национальной экономики. Сборник научных статей Всероссийской научно-практической (заочной) конференции. – Ижевск: Изд-во ИЭиУ УдГУ, 2006. С. 16-20
41. Савельев М.Ю. Проблемы управляемости и устойчивости финансово-экономической системы России: системный синергетический подход. Модель бюджетных денег. // Пробл. регион. экономики. 1998. № 9 – 10. С. 182 – 189.
42. Кобзев А.Н., Савельев М.Ю. Комплекс оценочных показателей инвестиционных процессов региона. Екатеринбург – Ижевск, Изд-во Института экономики УрО РАН, 2007. 232 с.
43. Кобзев А.Н., Савельев М.Ю. Категориальный аппарат в системе государственного контроля инвестиционных процессов. Екатеринбург – Ижевск, Изд-во Института экономики УрО РАН, 2008. 53 с.
44. Савельев М.Ю. Соловьев А.Б. Оценка экономической безопасности регионов на основе статистических методов анализа финансовой отчетности. // Проблемы региональной экономики, № 1-2, 2009. с. 39-48

45. Савельев М.Ю. и др. Предпринимательский климат Удмуртской Республики. Портрет региона для инвесторов и предпринимателей: Докл. Асс. «Митра». Под ред. М.Ю. Савельева. // Митра-Консультант. 1999. № 1. С. 3–51.
46. Савельев М.Ю. и др. Административные и налоговые барьеры на пути экономического развития в муниципальных образованиях и субъектах федерации Приволжского федерального округа Под ред. М.Ю. Савельева. // Роль региональных и муниципальных органов власти в развитии экономики России. – Ижевск, 2003. С. 7-188.
47. Савельев М.Ю. Институциональная реформа Сбербанка: как сохранить доминирующее положение на рынке и сделать работу эффективной. // Пробл. регион. экономики, № 4-5, 2011. с. 216-223.
48. Козырев М.С., Савельев М.Ю. и др. Демонопользация и развитие новых форм управления рынком жилищно-коммунальных услуг в Удмуртской Республике. // Менеджмент: теория и практика. 2001. № 1-2. С. 205 – 214.
49. Савельев М.Ю. и др. Эффективная и прозрачная жилищно-коммунальная политика. // Митра-Консультант. 2002. № 3. С. 5 – 104.
50. Жукова Д.В. Савельев М.Ю. Исследование организации регионального энергоснабжения на основе модели кооперативной системы деятельности. // Проблемы региональной экономики, № 1-2, 2009. с. 147-163
51. Савельев М.Ю. Кому выгодна реструктуризация предприятия? Проблемы развития консультационного рынка России // Пробл. регион. экономики. 1998. № 9 – 10. С. 190 – 194.
52. Поляков Ю.Н., Савельев М.Ю., Спиркин А.В. Бизнес-планирование. Учебно-практическое пособие. Второе издание. Ижевск, 2007. 204 с.
53. Terri Laws, Janice A. Chilton, Ethics, Cultural Competence, and the Changing Face of America, Published online: 9 February 2012, # Springer Science+Business Media, LLC 2012.
54. Turner, L. (2005). From the local to the global: Bioethics and the concept of culture. *The Journal of Medicine and Philosophy*, 30, 305–320.
55. Juckett, G. (2005). Cross-cultural medicine. *American Family Physician*, 72, 2267–2274.
56. Sandra Collins and Nancy Arthur, Culture-infused counselling: A model for developing multicultural, competence, "Counselling Psychology Quarterly", Vol. 23, No. 2, June 2010, 217–233 pp.
57. Donna Chrobot-Mason, Jean B. Leslie, "The Role of Multicultural Competence and Emotional Intelligence in Managing Diversity", *The Psychologist-Manager Journal*, 15: 219–236, 2012 Copyright © The Society of Psychologists in Management.
58. Joplin, R. W., & Daus, C. S. (1997). Challenges of leading a diverse workforce. *Academy of Management Executive*, 11, 32–46., Morrison, A. M. (1992). *The new leaders: Leadership diversity in America*. San Francisco: Jossey-Bass., Cox, T., Jr., & Beale, R. L. (1997). *Developing competency to manage diversity*. San Francisco: Berrett-Koehler Publishers, Inc.
59. Offermann, L.R., Phan, L.U. (2002). Culturally intelligent leadership for a diverse world. In R. E. Riggio, S. E. Murphy, & F. J. Pirozzolo (Eds.), *Multiple intelligences and leadership* (pp. 187–214)., Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
60. Garcia, M. H. (1995). An anthropological approach to multicultural diversity training. *Journal of Applied Behavioral Science*, 31, 490–504.
61. Elgine, D. (1993). *Awakening Earth: Exploring the evolution of culture and consciousness*. New York: William Morrow & Co.,
62. Wilber, K. (2001). *A brief history of everything* (2nd edn.). Boston, MA: Shambhala., CHRISTOPHER K. JOHANNES & PHILIP G. ERWIN, *Developing multicultural competence: Perspectives on theory and practice*, *Counselling Psychology Quarterly*, 2004 Vol. 17, No. 3, pp. 329–338.
63. W. Bagehot, *Historical Essays*. — NY, 1966. — P. 79.
64. Daniel M. Bell, Jr., *The Economy of Desire: Christianity and Capitalism in a Postmodern World. The Church and Postmodern Culture*. Grand Rapids, Mich.: Baker Academic, 2012. 224 pp.
65. Harold Demsetz, *From Economic Man to Economic System: Essays on Human Behavior and the Institutions of Capitalism*. Cambridge University Press, Cambridge. 2011. vii + 189 pp.
66. Mary S. Morgan, *Economic Man as Model Man as Model Man: Ideal Types, Idealization and Caricatures*, *Journal of the History of Economic Thought*, Volume 28, Number 1, March 2006, 2-27 pp.
67. Harri Virtanen, *The King of Norway: negative individuation, the hero myth and psychopathic narcissism in extreme violence, and the life of Anders Behring Breivik*, *Journal of Analytical Psychology*, 2013, 58, 657–676 pp.
68. Nissim Kadosh Otmazgin, *The Political Economy of Japanese Popular Culture in Asia Honolulu: University of Hawai'i Press*, 2013. xiv + 230 pp.
69. Cyra Akila Choudhuryf, *Beyond Culture: Human Rights Universalisms Versus Religious and Cultural Relativism in the Activism for Gender Justice*, *BERKELEY JOURNAL OF GENDER, LAW & JUSTICE* 226-267
70. Mouhcine Tallaki and Enrico Bracci, *The Importance of National Culture in the Design of Management Control Systems: Evidence from Morocco and Italy*, *The Importance of National Culture*, pp. 7-29.

71. Roth K, Schweiger D M and Morrison A J (1991), "Global Strategy Implementation at the Business Unit Level: Operational Capabilities and Administrative Mechanisms", *Journal of International Business Studies*, Vol. 22, No. 3, pp. 369-402.
72. Frimousse S, Swalhi A and El Alaoui E M, *The Hybridization and Internationalization of HRM in the Maghreb Examining the Case of Commitment and Intention to Quit Amongst Employees of Multinational Companies*, *Cross Cultural Management*, 2011, Vol. 19, No. 2, pp. 257-270.
73. Paul S. Adler, *Market, Hierarchy, and Trust: The Knowledge Economy and the Future of Capitalism*, *ORGANIZATION SCIENCE*, © 2001 INFORMS, Vol. 12, No. 2, March-April 2001, pp. 215-234.
74. Luminița Chivu, Constantin Ciutacu, Ioan I Gaf-Deac, *CULTURAL PROCESS-LIKE FORCES REQUIRED IN ORDER TO MOVE FROM THE CURRENT ECONOMY TO THE NEW ECONOMY RELYING UPON INTANGIBLE RESOURCES*, *Revista Minelor, Mining Revue - no. 2*, 2015.
75. Schumpeter, J. 1976 (1942). *Capitalism, Socialism and Democracy*. Harper, New York, Paul S. Adler, *Market, Hierarchy, and Trust: The Knowledge Economy and the Future of Capitalism*, *ORGANIZATION SCIENCE*, © 2001 INFORMS, Vol. 12, No. 2, March-April 2001, pp. 215-234.
76. Kosaku Yoshida, *Deming Management Philosophy: Does It Work in the US as Well as in Japan?*, *COLUMBIA JOURNAL OF WORLD BUSINESS*, Fall-1989, p. 10-17.
77. Deming E., *Out of The Crisis*, 1986, pp. 140-141.
78. Sato & Whitehall study in Sato, Hiroki, "Rodosha Ishiki No Kokusai Hikaku" (International Comparison of Workers' Attitudes), *Gendai No Nihonteki Keiei (Modern Japanese-Style Management)*, Masumi Tsuda, ed., Yuhi-Kaku, Tokyo, 1982, pp. 195-226.
79. *The Power of Customers to Drive Innovation*, A Report by Business Decisions Limited for the Enterprise Directorate General of The European Commission, May 2003, URL ftp://ftp.cordis.europa.eu/pub/innovation-policy/studies/studies_the_power_of_customers_to_drive_innovation.pdf (дата обращения 16.11.2015.)
80. Hristina Mikić edited, *Measuring the economic contribution of cultural industries. A review and assessment of current methodological approaches*, UNESCO Institute for Statistics, 2012, 109 pp.

V.P. Koretskiy, Galiakhmetov R.A, Fedorov Y.V.

MULTICULTURAL PARADIGM OF ECONOMIC THEORY - THE ALTERNATIVE TO THE WESTERN MAINSTREAM

In this article M. Yu. Savelyev's study "Multicultural institutionalism. Civilizations general economic theory. The political economy of traditionalism. Network society project" was considered. New economic theory paradigm and the substantive and methodological apparatus suggested by the author were analyzed. The essential results of research, forecasts and the network model of society designed by author through own methodology and bearing in mind that the society's cultural values are the basis of social and economic development was summarized. Particular emphasis has been placed on empirical observations which are openly contrary to the traditional economic theory, but are in line with ideas had been put forward in research. The study shows the importance of accounting development in accordance to consumers' interests to resolve social contradictions, as well as the crucial role of the changes in constitutional, civil, labor, corporate, financial, business, and tax law. Innovative thinking and practical implications of the M. Yu. Savelyev's research are focused in the context of ineffectiveness of liberal values adoption which are not in the cultural and social realities of Russian civilization. It was worked out that severe institutional crisis of mankind could not be met without taking into account new social, economic cultural reality to guarantee long-term culture, society and states being and surviving.

Keywords: multiculturalism, cultural values, network society, paradigm of economic theory, institutionalism, organization, consumers power, loyalty rent, accounting, norms, knowledge economy.

Корецкий Владимир Павлович,
кандидат физико-математических наук,
преподаватель кафедры "Экономика предприятия",
ФГБОУ ВПО "Ижевский государственный технический
университет имени М.Т. Калашникова",
Адрес: 426069, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул.
Студенческая, д. 7,
e-mail: vpk@yandex.ru
главный редактор,
ООО "ИД Евро 18",
426008, г. Ижевск, ул. Максима Горького, 68,
e-mail: vpk@euro18.ru, vpk1973@yandex.ru

Koretskiy Vladimir Pavlovitch,
Lecturer of Enterprise Economics Faculty, Ph.D
Kalashnikov Izhevsk State Technical University,
Studentcheskaya Str, bld. 7, Izhevsk, Russian Federation,
426069,
e-mail: vpk@yandex.ru
Editor-in-Chief,
Publishing House Euro 18, LTD,
Maxim Gorky Str, bld. 68, Izhevsk, Russian Federation,
426008,
e-mail: vpk@euro18.ru, vpk1973@yandex.ru

Галияхметов Раиль Ахсанович,
доктор экономических наук, профессор,
декан факультета «Экономика, право и гуманитарные
науки»
ФГБОУ ВПО "Ижевский государственный технический
университет имени М.Т. Калашникова",
Адрес: 426069, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул.
Студенческая, д. 7,
e-mail: mana@istu.ru
Федоров Юрий Викторович,
кандидат технических наук,
заведующий кафедрой "Экономика предприятия"
ФГБОУ ВПО "Ижевский государственный технический
университет имени М.Т. Калашникова",
Адрес: 426069, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул.
Студенческая, д. 7,
e-mail: ekonpred@istu.ru

Galiakhmetov Rail Ahsanovich,
Doctor of Economics, professor,
Dean of the Faculty of "Economics, Law and Humanities"
VPO "Izhevsk State Technical University named after
Kalashnikov"
Address: 426069, Republic of Udmurtia, Izhevsk, ul.
Student, d. 7,
e-mail: mana@istu.ru

Yury Fedorov,
Ph.D.,
head of the department "Business Economics"
VPO "Izhevsk State Technical University named after
Kalashnikov"
Address: 426069, Republic of Udmurtia, Izhevsk, ul.
Student, d. 7,
e-mail: ekonpred@istu.ru